
А. НАКАДЗАВА

Д. С. Лихачев и Япония

В этом сообщении я хочу остановиться на том, как читают книги Д. С. в Японии, как его воспринимают японские читатели, и в то же время немного порассуждать о том, как сам Д. С. воспринимал Японию, японскую культуру, какое место занимает «японская тема» в широком ее понимании в трудах Д. С., хотя бы это место было весьма скромное.

В настоящее время японский читатель может познакомиться с четырьмя книгами Д. С. в переводе на японский язык. Впервые, в 1987 г., вышел в свет перевод книги «Поэзия садов». Потом следует издание двух популярных книг: «Заметки о русском» и «Письма о добром и прекрасном». Из научных работ Д. С. в Японии издана книга «Смех в Древней Руси», переводом которой занимались мы с проф. Накамура. Кроме того, на японском языке в научных и популярных журналах и сборниках опубликовано несколько статей и заметок Д. С.

Хотя названные книги вышли в свет в разных издательствах в разное время, выбор книг для перевода в какой-то мере отражает интерес и вкус японских читателей. Например, искусство и традиция сада, садоводство всегда были одной из популярных тем среди широкой публики. А традиционный смеховой мир или старинная «культура смеха» еще живет у нас в повседневном обиходе, и интерес к этой традиции, к ее культурологическому осмыслению стал заметным в Японии в 80-е гг. Наши читатели познакомились с двумя популярными книгами Д. С. во время «перестройки», когда японцы, как никогда больше, беспокоились о судьбе России. Есть и некоторые специалисты-русисты, которые, читая его труды в оригинале, изучают его литературоведение, теорию истории литературы, текстологию. Таким образом, в Японии к творчеству Д. С. проявляют интерес самые разные читательские аудитории, как и в России и в других странах.

Но сейчас я хочу ограничиться лишь рассказом о японском восприятии популярных работ Д. С. по русской культуре, опираясь на мой собственный опыт. На семинарском занятии по русской литературе и культуре, которое я веду в университете, я каждый год даю своим студентам III и IV и курсов читать русский текст из «Заметок о русском», «Писем о добром и прекрасном» или других статей о русской культуре. Студенты с большим интересом изучают, как рус-

ский ученый определяет понятия «воля», «подвиг», «пространство», «природа» и как он осмысливает их культурное значение. Особенно привлекают их рассуждения Д. С. о национальном характере русских, о некоторых его чертах, столь незнакомых японцам.

На семинаре я иногда задаю такой вопрос: «Что вы думаете об этих замечаниях о русской культуре и русском характере? Соответствуют ли они вашим представлениям о России?». Самые типичные ответы на этот вопрос: «То, что написано здесь о русском характере, о представлениях русских о природе, человеке, очень отличается от японского характера, от представлений японцев». И студенты начинают замечать некоторые черты японского характера, которые, в их понимании, сильно отличаются от русского.

Интересно, что, хотя я не прошу их делать сравнения, студенты сами охотно пытаются сравнивать свою культуру с русской и стараются понять особенности русской культуры при сопоставлении со своей собственной. После двух-трех-летней практики я узнал, что во взглядах Д. С. и в его подходе к изучению русской культуры есть что-то особенное, что побуждает наших студентов сравнивать свою и чужую, т. е. русскую, культуру.

Нам известно, что культурологические работы Д. С., как популярные, так и научные, проникнуты одной концептуальной идеей — рассмотреть свою культуру, свои культурные явления во взаимодействии с другими культурами, другими культурными явлениями. В одной статье, посвященной русскому национальному характеру, он излагает свою позицию так: «Русская культура уже по одному тому, что она включает в свой состав культуры десятка других народов и издавна была связана с соседними культурами <...> — культура универсальная и терпимая к культурам других народов». Такое серьезное внимание к другим культурам мы видим и в его трудах по истории древнерусской литературы и культуры. Д. С. ищет элементы чужой культуры не только в других культурах, но и в рамках собственной русской культуры: древнерусских — в современной культуре, народных — в книжной культуре. Для него многонациональное начало русской культуры, соприкосновение с чужими культурами и взаимодействие с ними в историческом процессе должно считаться важнейшими факторами формирования и развития национальной культуры.

Я думаю, что наши студенты, когда они читают тексты Д. С., сознательно или бессознательно осваивают такой подход. На семинаре в основном речь идет о констатировании отличительных и противоположных черт русской и японской культур, но иногда некоторые студенты идут дальше простых наблюдений, начинают раздумывать о сходных чертах. Например, ссылаясь на замечания Д. С., они ищут в японской культуре понятия и явления, эквивалентные русскому «смирению», «терпимости» и даже «юрордству».

Кажется, что чем четче разнятся характеры двух культур, тем больше интерес студентов к их сравнению и осмыслению. В этом отношении японские студенты, может быть, находятся в благоприятном положении для углубленного понимания русской культуры.

В связи с этим мне также представляется чрезвычайно интересным прочитать размышления Д. С. о Японии, о японской культуре. Осенью 1993 г. Д. С. приехал в Японию для участия в международной конференции, посетил разные города. Сразу после этого он опубликовал свои впечатления о Японии в японском научно-популярном журнале «Гермес» в 1994 г.

Хочу познакомить Вас с некоторыми его впечатлениями, так как здесь Д. С. наглядно применяет тот самый подход, который я уже проиллюстрировал на примере наших студентов. В его заметках мы читаем такие слова: «Японец слушает советов природы, помогает природе в ее неустанной работе — растить, живить, целить, порождать жизнь и красоту». Потом следуют замечания: «Мы (т. е. русские) привыкли к огромным пространствам и воспринимаем природу и землю, как волю и свободу». Ссылаясь на то, что сам писал в своей книге «Заметки о русском» о стремлении русских расселиться на возможно большем пространстве, Д. С. говорит, что «у японцев совсем другое стремление: собраться вместе, освоить каждый кусок земли — не покорять природу, а как бы дружить с ней, учиться у нее, подражать ей в лучшем».

Характерно, что большую часть его статьи составляет сравнение японской культуры с русской. Действительно, он с увлечением сравнивает. Он говорит о различиях в традиции «космического сознания» той и другой культур: «Стремление увидеть космос в малом свойственно японцам. Стремление охватить собою весь мир свойственно русским».

Понятно, что его увлечение сравнением связано с тем, что Д. С. видит перед собой прямо противоположный русскому тип культуры, и это позволяет ему наиболее глубоко задуматься не только о японской культуре, но и о своей русской культуре.

Его размышление о двух культурах не ограничивается простым противопоставлением. Здесь Д. С. тоже ищет их сходство. Он говорит: «Но вместе с тем в чем-то сходная, ибо обе тенденции стремятся к большой вселенной <...> в обеих этих тенденциях в сущности отражается религиозное восприятие мира». И еще он отмечает, что «японец стремится почитать мир церемониями, ибо церемония близка к богослужению и славословию». Думаю, что хотя в этой фразе речь идет о японцах, Д. С. несомненно имеет в виду общность культурных ценностей обеих культур.

Разумеется, непросто доказать существование сходства этих столь разных культур, определить их в таких сложных стереотипах человеческого поведения, как восприятие мира, но этот вопрос о «религиозном восприятии мира», поставленный Д. С., безусловно принципиален и требует особенного внимания. Думаю, что этот вопрос может служить исходным пунктом для дальнейшего сравнительного изучения двух культур.

Так или иначе, я уверен, что Д. С. будут читать в Японии, и он будет оставаться дорогим сердцу японцев советчиком до тех пор, пока мы, японцы, считаем свою традиционную культуру важной и дорогой.